

Грошев Виктор

Продавец газет,

или Бывших не бывает

16+

Виктор Иванович Грошев Продавец газет, или Бывших не бывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41599661

SelfPub; 2019

Аннотация

Офицер спецназа ГРУ в запасе и его сослуживцы оказываются втянуты в политические события, корнями уходящие в советское прошлое.

Содержание

Воскресенье	4
Думы	15
В городе	20
В Интерполе	22
Кошмары из прошлого	26
Кошмары наяву	31
У Вольдемара эта ночь тоже не задалась	32
Понедельник	37
«Дачные» хлопоты	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Воскресенье

Утренний звонок в дверь был неожиданным и настойчивым. Надо было вставать, надежда на воскресный сон рухнула. В голове крутилось: «Хорошенькое начало отпуска, кого это принесло в такую рань?» Василий вдвинул ноги в тапки и пошел открывать дверь.

– Кто там такой наглый?

В ответ услышал:

– Шершни тут живут?

Давно его так не называли, да и мало живых осталось из тех, кто мог его так назвать.

За дверью стоял ухоженный господин, и улыбка сияла на его лице, как золотой царский червонец, в руках была объемная сумка с биркой из аэропорта. Они крепко обнялись и стояли на пороге, пока из комнаты не раздался сердитый голос жены: «Вы что же, так и будете стоять или в дом войдете?»

Надежда вышла в коридор и, взглядываясь в гостя, сказала:

– Вовка, как ты возмужал!

– И я вас очень рад видеть, Надежда Петровна, только теперь меня зовут Вольдемар, да еще Юльюсович.

– Ну, это ты там у себя в Германии Вольдемар Юльюсович, а для меня ты остался Володей, – сказала хозяйка.

– А откуда вы знаете, что я из Германии? – удивился гость.

– А ты бы бирочку снял с сумки, тогда мы подумали бы, что ты из Казахстана, – ответил Василий.

– Вижу, не потерял хватку, командир, – произнес восхищенно гость.

– Какой из меня командир, у тебя теперь другие командиры, а я теперь отставной козы барабанщик, сижу в киоске, почитываю книжки, газетки, ну и иногда их продаю.

– С чего это ты через сорок лет про меня вспомнил? – поинтересовался хозяин.

– Я твою науку выживать никогда не забуду, командир, она меня в Афгане спасала, да и потом не раз выручала.

– Мужчины, мемуары будут потом, а сейчас к столу, завтрак стынет, – раздался голос из кухни.

За завтраком гость поведал о цели своего визита:

– Я командирован в Интерпол по линии борьбы с террором, как «представитель немецкой контрразведки», уже несколько лет работаю под прикрытием. В Воронеж прилетел как член группы наемных убийц для ликвидации какого-то бывшего военного, который является кровником высокопоставленного моджахеда. А к вам, командир, заскочил, потому что не мог не сказать спасибо за науку выживать, но я думал, что ты, как прежде, гоняешь «желторотых» до потери пульса, а ты в киоске газетами торгуешь. Как получилось, что ты не в армии?

За Василия ответила жена:

– Его, Вова, выперли из армии после Афганской кампа-

нии за создание атмосферы нетерпимости в подразделении, а проще говоря, политотделу не нужен был строптивый офицер с опытом Афгана, на дворе перестройка была, вот его и перестроили, а потом распад Советского Союза, и не стало той армии, которой мы присягали.

– Командир, какие планы на сегодня? – спросил гость.

– Мы, Володя, собирались на дачу, может, там продолжите свою беседу, а я в цветах покопаюсь? – сказала Надежда Петровна.

– Если дадите мне час, чтоб устроиться в гостинице, то я с вами.

– У тебя полтора часа и не минутой больше, пока я за машиной схожу, а Надежда соберет все, что нужно, – сказал Василий.

На том и расстались.

Через полтора часа скромная «Волга» катила по загородному шоссе, мужчины вспоминали свою молодость и посмеивались над собой. Василий время от времени поглядывал по сторонам, потом спросил:

– Володька, ты, что ли, хвоста нам прицепил?

– Откуда хвост, я даже старшему не доложил о приезде, они меня завтра ждут.

– Так что, мне спину сверлят не твои друзья, а тогда кто? – забеспокоился Василий. – Интересное кино, кому нужен пенсионер из киоска?

– Я не в курсе, – ответил гость.

– Ладно, сейчас будет поворот у лесополосы, там и выясним, – сказал хозяин. Волга прибавила хода, через сто метров Василий резко повернул за лесополосу и въехал в кусты, мужчины вышли из машины и приготовились встретить гостей. «Хонда», следовавшая через одну машину за ними, пронеслась мимо них, в машине сидели двое мужчин восточной наружности, через десять минут они проехали обратно, явно озираясь по сторонам.

– Ну, вот, мать, жили мы спокойно, никого не интересовали, а тут гость за гостем. Позвони детям, чтоб сегодня не приезжали, я думаю, нам сегодня и без них скучно не будет.

Надежда сделала пару звонков и, не задавая вопросов, села в машину.

– Вольдемар, тебе никто не знаком? – поинтересовался хозяин.

– Старшего из них я сегодня где-то видел, – ответил гость.

– Вот и мне они показались интересными. Ладно, поехали, там разберемся.

Но, подъезжая к даче, Василий опять забеспокоился: «Что-то не проходит сверло в спине, вроде и нет никого сзади, а ощущение, как под микроскопом».

Загнали машину в гараж, выгрузили припасы и осмотрелись на участке.

Пришел сосед по участку:

– Привет, соседи, я думал, вы вчера приехали, ночью с фонарем по огороду лазили и теперь спите как сурки, а вы

только сейчас появились. Или отъезжали куда?

– Да мы вот гостя встречать ездили, – ответил Василий.

Поговорили о погоде, об урожае и разошлись по дачам. Владимир достал приборчик, выдвинул антенну и молча пошел по дому. Хозяева удалились кто в огород за закуской, кто на кухню, через полчаса все собрались за столом в беседке.

– Командир, тебя обложили грамотно, по полной программе: в спальне жучок; в зале два; на кухне один и видеокамера в беседке. Ее я нечаянно раздавил, а остальное не тронул, – сказал Цваер (в группе Василия, Вольдемар имел оперативный позывной – Второй).

– Мать, ты что-нибудь понимаешь? Володька появился сегодня, а начинили дом вчера. Спрашивается, кто и зачем?

– О моем приезде на день раньше не знает никто, значит, интерес к вашим персонам.

– А кому и зачем нужны пенсионеры, чтобы так фаршировать дачу?

Посидели молча, потом Василий пошел в дом и вытащил из тайника «сайгу», проверил боеприпасы, достал десантный нож, прикрепил его под штаниной. Вошли Надежда вместе с Владимиром и стали молча наблюдать за приготовлениями.

– Володь, у тебя оружие есть? – спросил Василий.

– По сравнению с тобой, командир, я безоружный, но кое-что есть, – и он достал из сумки «вальтер» и два запасных магазина.

Надежда посмотрела на них и пошла открывать погреб,

вернулась с солеными огурцами, налила по сто грамм. Владимир достал коньяк, лимон и шоколад. Надежда взяла все это и под удивленными взглядами мужчин унесла в холодильник.

– До выяснения обстановки, – пояснила она, когда вернулась. Выпили по стопарику, стали вспоминать ребят, что не дожили до этих дней, несмотря на красноречивые взгляды, второго стаканчика не дождались. Стало темнеть, послышался шум подъезжающей машины. Мужчины насторожились, машина остановилась за домом. Через некоторое время послышались шаги, и раздался негромкий возглас из-за угла:

– Командир не стреляй, я один и без оружия.

Восточный акцент явственно звучал в голосе говорившего человека. После паузы Василий спросил:

– Тимербек, ты как здесь оказался?

– Стреляли! – раздался голос за углом.

– Ну, заходи, – ответил Василий.

– Дела!!! – обрадовался Цваер.

– Мать, иди сюда, к нам еще гость, – позвал из дома хозяйку Василий. Надежда вышла из дома, обняла Тимура.

– Не хватает Низами и Семена, – сказала она, и глаза заблестели от слез.

– Насчет Семена не знаю, а Низами прилетает через час, его мои ребята привезут, – сказал Тимур.

В воздухе повисла напряженность. Василий молча смот-

рел на Тимура. Тот поежился и сказал:

– Командир, придет Низами, сам все расскажет. Надежда Петровна, сегодня уже можно коньяк.

– Так это ты мою дачу нафаршировал? А в огороде чего лазили? – сказал Василий.

– Мы по периметру датчики движения выставили, вот приемник, – сказал Тимур. – А почему именно дача: так дети сказали, что вы всю неделю на даче собрались провести.

Надежда посмотрела на мужа, тот молча кивнул.

Когда она ушла, Тимур посетовал на раздавленную камеру и показал вторую, установленную в машине. Рассказал, как позвонил Гусейнов с приказом взять под охрану командира, сказал, что все подробности лично расскажет. Он должен был прилететь вчера, но рейс отложили по каким-то причинам.

Раздался далекий одиночный выстрел, и ожил наушник Тимура. Он послушал молча доклад, потом сказал: «На сегодня можно расслабиться, первую группу приняли!» Подъехала еще машина, остановилась. Хлопнула дверь, и из-за угла дома вышел седой коротко стриженный мужчина с пакетом, на котором был изображен казак с горилкой, а следом за ним – маленький азербайджанец с глиняным кувшином и пакетом винограда.

Вышла Надежда, вздохнула: «Ну, вот и все, кто остался». Мужчины долго обнимались, потом расселись за столом. Когда угомонились, Василий спросил:

– Ну и что все это значит?

Низами посмотрел на Тимура, тот стал оправдываться:

– Ты что, Шершня не знаешь? У него не проскочишь.

Низами прокашлялся и, как все кавказцы, начал издаലെка, о далеких событиях восьмидесятых. Командир прервал и попросил просто доложить суть. Тогда Низами сказал, что без стакана вина будет трудно. Все выпили за здоровье присутствующих и приготовились слушать.

«В далеком восемьдесят третьем, когда мы сопровождали в Кабул очередную команду, нас поджидала засада в ущелье, а ты ее покрошил из ДШК (крупнокалиберный пулемёт). Один душман потерял всех своих сыновей и поклялся отомстить за них. Если помнишь, там нашли троих пацанов с пулеметом и гранатометом. С тех пор этот душман стал одним из “непримиримых” и большой человек в Аль-Каиде. Ему долго не удавалось напасть на твой след, а в этом году весной он был с официальным визитом в Воронеже с группой инвесторов и наткнулся на твое фото в газете, где вы со школьниками высаживаете деревья на Аллее афганцев. И все стремительно завертелось: он снаряжает три группы за твоей головой, одну Тимур уже взял, две других должны прибыть на днях. Состав групп нам не известен, знаем только, что набирал он их сам из европейцев и среди них есть женщина-снайпер. Откуда дровишки, не спрашивайте – не скажу. Скажу только, что снайпера надо взять живьем, она очень наследила в Донбассе, на Майдане и у нас. Так что из-

вини, командир, но начальство распорядилось использовать тебя как живца, и это согласовано с ФСБ, на самом верху и в Совбезе содружества, поэтому мне разрешили вызвать из Казахстана Тимура и его команду. Семена я просил приехать, так как он тоже заинтересован: он один из двух выживших после ее выстрела, вторая – девушка, третий год в коме. “Второго” я не вызывал, он для меня недосягаем.

Ну что, Вольдемар, поведаешь, как ты сюда попал, или промолчишь?»

Цваер помедлил и начал свою повесть:

«Весной этого года я был внедрен в одну ЧВК, примерно через месяц поступил заказ от одного крупного моджахеда на ликвидацию человека в России. Для этого была подобрана группа русскоговорящих исполнителей, встретиться мы должны завтра в полдень у памятника Кольцову. Пароль простенький, потому что старший нас знает в лицо, он же знает цель, а теперь цель и для меня не секрет».

– Ну что, Низами, вот тебе и вторая группа, надо репу почесать, как третью группу подсветить, да и Цваера не подставить, – сказал Василий.

В мозговой штурм включились все, кроме Надежды: она тихо подносила закуски и вздыхала. После того как распилили горилку, Тимур вспомнил о ней и стал успокаивать, сказал, что детей с семьями уже отправили в разные ведомственные санатории, а утром заберут и ее, связи с семьей пока не будет из соображения безопасности.

Она внимательно слушала, а потом сказала, что они все те же пацаны, только седые. Никуда она не поедет, потому что это насторожит наемников, они глубже закопаются, и искать придется гораздо дольше, чем надо, до первого сентября осталось две недели – внук идет в одиннадцатый класс, а под пулями она уже была, так что не привыкать.

Все уставились на командира. Он помолчал, посмотрел на всех по очереди и подвел итог: «Плохо я вас учил, как были сержантами, так и остались, несмотря на возраст и звания, разгалделись на всю округу, никто даже не заметил, как присоединились лишние уши. Николай, заходи, не стесняйся».

Как тень появился сосед.

– Знакомьтесь, командир разведроты ДШП, Афган и две горячие точки, не спрашивайте где, – сказал Василий.

Николай с удивлением посмотрел на соседа.

– И ты ничего не спрашивай – потом отвечу на твои вопросы, если останусь жив с этими гавриками. Ситуацию ты уже знаешь. Тимур, ты у нас один официально при власти: обеспечишь всех легкой броней, хорошей связью, стволами, боеприпасами и лучшей оптикой. Стволы с глушителями, нам здесь лишний шум не нужен. Парочку ночных биноклей. Все это переправишь с Николаем: он здесь свой, поэтому вне подозрений. Низами, на тебе вся информация по этому духу. Вы сейчас договариваетесь с Николаем, где и как состоится передача, и уматываете: ни вас, ни ваших людей ближе двух километров быть не должно. «Второй», поедешь

с ними, связь обговорите сами по дороге. Семен, с тобой мы поговорим позже. Мать, положи Семена на втором этаже, он погостит у нас некоторое время. Все! Завтра к половине двенадцатого Николай должен быть на даче.

Через пять минут уехали Тимур и его команда, еще через десять – Гусейнов и Цваер. Все, кто остался, молча сидели в беседке – каждый думал о своем.

Думы

Надежда Петровна

«Вот и догнало нас прошлое. Одно дело, когда ты молод и полон сил, другое – когда в возрасте. Молодыми, не задумываясь, шли под пули, Родина сказала – надо, комсомол ответил – есть. Василий воевал, я ждала, когда первую пулю поймал, сутками сидела в госпитале у его постели. Потом уже стала привыкать к его ранениям, пошла учиться на хирургическую сестру. Много времени утекло с тех пор. Я никогда не спрашивала, чем он занимался, изредка появлялись молодые ребята, которые становились близкими к дому. Но они как приходили, так и исчезали. Только от мужа узнавала о том, что некоторые уже не вернутся никогда. Он подолгу переживал, прикладывался к рюмке, но никогда не уходил в запой. Особенно он переживал за свой первый выпуск: из десяти человек их осталось четверо. Я уже не думала когда-нибудь их встретить, но они сами объявились, и не одни, а с жестоким прошлым. Дай бог, чтобы эта маленькая война из прошлого обошлась без потерь. Кстати, надо тоже подготовиться». – И она пошла готовить аптечку, собирать перевязочный материал, йод, перекись водорода.

Семен

«Живешь себе тихо-мирно, и вдруг тебе майдан. Эти майданутые власти захотели – фашистов на помощь позвали, а ты, раз не хочешь под фашистами жить, должен опять воевать, доказывать свое право на жизнь. И ведь придется побеждать, иначе они всю Европу захватят. На Донбасс все отребье насаждает, да еще оболваненную молодежь под пули гонят. Как же мы просмотрели начало, почему не отрубили голову бандеровской верхушке, все либеральничали, а теперь сотни неповинных людей гибнут, женщины и дети. Да, история повторяется. Сейчас бандеровцы снова полезут, чтоб показать свою силу, чтоб америкосы на зиму денег дали, а я тут за этой белобрысой скандинавкой гоняюсь. Опасная bestия, появляется там, где больше платят. Интересно, во сколько оценили голову командира? А мою? Ладно, прихватим ее, и она нам все сама скажет, только бы побыстрее: дома дел невпроворот – мои ребята вспотеют».

Николай

«Дела! Живешь рядом. Сосед как сосед. В огороде копается, домик перестраивает, детей растит и внуков нянчит. О том, что офицер запаса, не кричит, как некоторые. Что за

речкой был – не скрывал, но и в глаза не лез. Откуда про мои горячие точки узнал? Вот вопрос. Про них даже близкие не знают. А тут еще маленькую войну придется вместе вести против наемников, хорошо, я своих к морю отправил. А сосед не так прост, как кажется, да и ребята к нему приехали не рядовые. Ладно, нам не привыкать. Надо выспаться, завтра будет хлопотный день. Интересно, где они на довольствии стоят, что сосед так уверен в выполнении поставленной задачи. И ведь никто лишних вопросов не задавал. Посмотрим, что принесет нам завтра».

Василий

«Упущения молодости оборачиваются трагедиями в старости, хотя какая старость – скорее зрелость. А ребята вроде ничего, шустрые еще и не забыли свою профессию – “защищать Родину”, хотя Родина теперь у каждого своя. Правда, разбросало их по свету! Когда-то была одна Великая Страна – Союз Советских Социалистических Республик, и были мы одним народом, и готовил я их защищать свое отечество. Пришла перестройка и всех перестроила. Вместо одной большой сильной страны стало несколько маленьких и слабеньких. Четверть века потребовалось на восстановление стран, да и не все оправились от перестройки, а некоторые перестроились кардинально, как прибалтийцы. Быстрее всех старая гвардия начала свои страны приводить в чув-

ства, Алиев сразу не дал расслабиться своим, и сын не подкачал: Назарбаев тоже своих мобилизовал. Россия, слава богу, выправляется, а вот хохлы ушли в пике, да и в средней Азии не все гладко. У Алиева неплохо контрразведка работает, и Низами там не последний человек, однако сам прилетел, значит, есть еще цель, кроме снайперши. Я как наживка для снайперши сгожусь, а для моджахеда? Похоже, он хочет сам убедиться в исполнении заказа. Судя по возрасту погибших сыновей, ему сейчас за восемьдесят, и он засобирился к Аллаху и к сыновьям, вот поэтому и такое внимание к моей скромной персоне: надо клятву выполнять. Что ж, постараюсь не доставить ему такого удовольствия. Видать, не маленький курбаши, этот старик, раз сразу столько спецслужб подключилось: немцы, казахи, Азербайджан, наши. Странно, что Моссад не подсуетился. Надо будет Тимура напрячь, чтоб информацию выудить, а то картина не полная. Плохо, что пришлось с Надеждой согласиться, да и соседа втянули, олухи царя небесного. Если первая группа вела разведку и наблюдение, то значит, остальные где-то рядом. Интересно, много они сообщили из того, что разнюхали, и вопрос, что они разнюхали? Вот жизнь завернула: раньше я охотился, а теперь на меня охотятся. Как-то неуютно себя чувствую в роли дичи. Успеют ребятки с экипировкой раньше, чем начнется, или нет? Должны успеть. Сегодня уже понедельник, народ с дач почти весь разъехался, значит, днем они приглядятся и к вечеру пожалуют в гости. Думаю, одна группа

будет прикрывать, а вторая пожалует. Снайперша, конечно, в группе прикрытия, пусть ею Тимур занимается, для меня более интересна та группа, что в гости пожалует. Ладно, надо отдохнуть пару часов, день обещает быть томным».

Василий по привычке стал укладываться спать в беседке, а мысли все не отпускали. Вокруг стояла тихая обычная ночь, ничего не подозревающие птички насвистывали в зарослях лимонника, сверчок стрекотал на участке соседа, чем-то недовольный ежик фыркал и пыхтел в малине. В соседнем дачном кооперативе кто-то продолжал праздновать день рождения: слышно, как поют песни под гитару. Небо на востоке потихоньку начинало сереть, скоро появятся первые лучи солнца. Чувства стали обостряться, в такие минуты в былые времена появлялось желание жить и приходил азарт охотника.

«А почему, собственно говоря, я должен быть дичью? Мне более привычно охотиться, а менять привычки в моем возрасте вредно. – Эта мысль прочно засела в голове. – Интересная охота будет. В прошлой жизни приходилось охотиться на чужой территории, и говорят, неплохо получалось, а почему должно не получиться на своей? Надо только избежать жертв и лишнего шума. Ладно, утро вечера мудренее, вот утром и помозгуем, что к чему».

В городе

Тимур несмотря на ночь связался с управлением ФСБ и озвучил просьбу командира. Майор Воробьев, начальник оперативной части, назначенный старшим операции, потребовал прибыть в управление. Тимуру пришлось выслушать поучающую лекцию после подробного доклада руководителю операции, в котором не упоминалось, откуда группа знакома с живцом, и о плане, явно расходящемся с официальным планом. Он услышал, что не следовало информировать гражданских лиц о предстоящей операции и что ничего из перечисленного управление выдать не может. Выйдя из кабинета, Тимур мысленно послал подальше официальные власти, связался с Низами, обрисовал ситуацию и попросил помощи.

«Подъедешь на адрес, скажешь, что от меня, и у тебя примут заказ», – сказал Низами и продиктовал адрес.

Поплутав по городу, Тимур нашел нужный дом на окраине пригорода. Вышел пожилой азербайджанец. Молча выслушал Тимура, записал, что тот хочет, попросил подождать десять минут и ушел в дом. Через десять минут вышел и рассказал, где Тимура будет ждать машина с заказом. Это оказалось на другом конце города. Пока ехал за заказом, успел проинструктировать свою группу, и те отправились определять места возможного расположения снайперов. Тимур хо-

рошо знал своих, ведь это не первое задание, выпавшее на их долю за пределами Казахстана, и не всегда это были дружественные государства.

Начинался рассвет, и Тимур стал нервничать: днем перегрузка из машины в машину может привлечь посторонних, а это повлечет ненужные объяснения с властью, что чревато потерей времени. С такими мыслями он и ехал на встречу, но когда повернул в нужный переулок, понял, что люди Низами все просчитали: переулок был в старой промзоне, сюда не часто заглядывают посторонние, так как большая часть предприятий разорилась или была на грани банкротства. «Жигули-тройка» с нужными номерами сиротливо стояли у обочины.

В машине никого не было. Тимур обошел машину. Ключ торчал в замке зажигания, капот был еще теплым. Подождав пару минут, он взял ключ и открыл багажник. Там лежали четыре спортивные сумки. Удостоверившись в их содержании, Тимур перегрузил сумки в свою машину. Ключи от «Жигулей» оставил в бардачке и, не дождавшись хозяев, хорошо понимая, что за ним наблюдают, громко сказал: «Спасибо!» и уехал на встречу с Николаем.

В Интерполе

У Низами хлопот этой ночью было не меньше других.

Еще в машине они с Цваером договорились о том, что наблюдение за ним вести не будут. Старший группы – человек опытный, скорее всего, группу собирать не будет, а задачу каждому поставит отдельно. Цваеру после встречи со старшим надо присесть на скамеечку и открыть банку пива, с которой он придет на встречу. Дальше он действует в соответствии с полученным от того заданием. Люди Низами постараются взять группу до вечера и порознь. В случае непредвиденных обстоятельств Цваер активирует маячок в брелке, по нему его вычислят, и Низами придет на встречу. Для людей Низами он такой же наемник, как и остальные, поэтому брать будут жестко. Расстались недалеко от гостиницы, в которой остановился Цваер. Тот пошел спать, а Низами поехал на конспиративную квартиру Интерпола, где его уже ждали. Дом сдали всего месяц назад, и большая часть квартир пустовала. Лифт не работал. Соседей на четвертом этаже не было. Подъезд еще пах свежей краской.

Пока Низами поднимался, позвонил Тимур и попросил о помощи. Недолго думая, отправил его к снабженцам Интерпола. Уже из квартиры подтвердил в снабжении полномочия Тимура.

Оперативники, расположившиеся в квартире под видом

молодой пары, три дня назад купившей квартиру, вместе с мебелью занесли аппаратуру слежения и мощнейшие компьютеры. Под видом спутниковой тарелки для телевизора установили спутниковую связь с базой Интерпола и теперь просеивали открытые источники в Интернете и закрытые источники в базе данных Интерпола, в общем, везде, где могли, искали сведения об интересующих лицах. Пока Наталья делала шефу кофе, Низами читал материалы, предоставленные Александром.

На первой странице было досье из архивов Интерпола на некоего Густава Шварца, наемника с большим послужным списком и кровавой репутацией. С фотографии на Низами смотрел Цваер в форме офицера Французского легиона. Информации о нем было меньше, чем знал о нем Низами, поэтому листок сразу же отложили.

Следующим был Нил Густавсон пятьдесят восьмого года рождения, швед по национальности, родившийся волей случая в Латвии, где до семидесятого года работали по контракту его родители. Имеет высшее образование, свободно говорит на шести иностранных языках, в том числе русском и латышском. В совершенстве обладает искусством перевоплощаться, мастер рукопашного боя, отлично владеет огнестрельным и холодным оружием. В общем, очень опасный противник, да еще и без лица, так как фотография была сорокалетней давности, к тому же плохого качества. Предположительно сотрудник ЦРУ или АНБ под прикрытием. Бе-

рется только за высокооплачиваемые заказы. Информации кот наплакал.

Низами попросил Наталью смоделировать его портрет на текущий момент исходя из того, что имелось.

По всей вероятности, он и есть старший группы прикрытия. Да, с таким побегаешь.

Далее шли досье на группу чеченцев, которую уже обезвредили люди Тимура совместно с местным ФСБ. При задержании старший группы был убит, остальные не представляли интереса для Интерпола, так как оказались рядовыми боевиками.

Александр обратил внимание шефа на женщину. На фотографии была изображена немолодая блондинка, скандинавской наружности с голубыми глазами, в которых читались усталость и тоска. Этой особой интересовались спецслужбы восьми стран на трех континентах. Она не только безжалостный убийца, но и обладатель секретных документов, доставшихся ей от гражданского мужа, в восьмидесятые годы прошлого века бывшего сотрудником КГБ и погибшего из-за этих бумаг во время выполнения задания. У нее были десятки имен, но настоящего имени никто не знает. Условно ее называли Марта. Она уничтожила крупного мафиози с женой и малолетним сыном в Панаме, застрелила агента ЦРУ на конспиративной квартире в Польше, в Азербайджане убила высокопоставленного политика, в Германии – советника посла Италии, в Африке уничтожила Израильско-

го консула, и кто знает, сколько еще бед она натворила. Дважды она уходила от преследования Моссада, как вода сквозь пальцы. На Донбассе после покушения на Семена ее группу из трех человек почти взяли, погибли двое из них и пятеро из группы захвата, а она опять ушла. И вот через полгода всплыла в России. Низами много раз читал о ней в сводках Интерпола и только впервые увидел фотографию. Всмотриваясь в нее, он пытался понять, что двигает эту женщину на убийства, ведь по количеству выполненных заказов она давно не нуждается в деньгах, по возрасту уже с лихвой наелась адреналина...

Телефонный звонок оторвал от мыслей. Прослушка сообщила о коротком телефонном звонке, поступившем моджахеду. Кто-то доложил о своем прибытии и готовности к выполнению работы. Установить номер и место нахождения абонента не удалось.

Это добавило нервозности в обстановке. Уже начинался рассвет понедельника, а ясности по третьей группе не было. Низами поручил своим проанализировать авиа- и железнодорожных пассажиров, а ФСБ – всех прибывших накануне в город автобусом. Надежды, на какую-нибудь информацию мало, но попробовать стоит, не зря же приобрели программу распознавания лиц. Правда, объем видео с камер наблюдения вокзалов велик, но шанс есть.

Глаза слипались, взбадриваться химией не хотелось, и Низами прилег, попросив разбудить через полтора часа.

Кошмары из прошлого

Заснул он мгновенно, и снился ему опять последний рейд в Афганистан, уже без Шершня, «загорающего» в госпитале. Это был тот рейд, когда уничтожили засаду. Уже на нашей территории, когда переправились через Пяндж, его догнала шальная пуля. Они тогда уходили от духов по земле, потому что вертушку сбили, а ждать другую времени не было, слишком сильно обозлились на них местные курбаши. И когда они уже расслабились, прилетела эта пуля. Зам командира Цваера куда-то угнали особисты с отчетом о прошлом рейде, и теперь пришлось идти на задание старшим, да еще с двумя чужими (по виду – афганцами) в довесок, за жизнь которых он должен отвечать головой. Задача, правда, была попроще: довести этих парней скрытно до маленького кишлака в горах и так же скрытно вернуться. Чужаки шли молча, не скулили, привалов не просили, пыхтели как паровоз, но от группы не отставали. Все началось, как только они расстались и Низами доложил по радиации о возвращении на базу. Через полчаса Тимур доложил, что параллельно с ними примерно в километре движется отряд духов, человек пятнадцать. Потом Малыш, который шел замыкающим, сообщил, что следом идет еще группа из семи человек, больше похожая на нашу войсковую разведку.

«До квадрата эвакуации оставалось меньше километра, до

вечерних сумерек – примерно час, и, когда я попросил выслать вертушку, начались непонятки.

Сначала нас отутюжили свои же вертушки, и, когда мы ушли в сторону, на нас напали духи. Пришлось уходить ускоренным темпом в глубь страны. Мы хоть и были хорошо подготовлены, но за сутки лазания по горам выдохлись, а встреча с превосходящим по численности противником сил не добавляла. Уходя, оставляли подарки для настырных преследователей: надо было выиграть время до темноты, духи по ночам боятся в горах шастать, а нам нужно отдохнуть и подкрепиться. Когда стемнело, забились в расщелину, поели холодным сухим пайком и по часику вздремнули.

С рассветом командование потребовало доложить обстановку, чтоб назначить новую площадку эвакуации.

Определив по карте место своего нахождения, поняли, что мы накануне в запале отмахали лишних пятьдесят километров в сторону и ушли на территорию Пакистана.

Получив приказ выйти в нужный квадрат, рванули как сайгаки в степи, чтобы в нужное время быть на месте. Каково же было наше удивление, когда дозор обнаружил засаду из той самой войсковой разведки в нужном квадрате.

Собрались обсудить ситуацию: к этому приучил командир, он всегда твердил, что для пользы дела каждый имеет право голоса, но решение всегда за командиром.

Тимур обратил внимание на то, что сюрпризы происходят каждый раз после связи с базой. Либо нас прослушивают,

что маловероятно, либо пеленгуют, но тогда это не духи, у них такой аппаратуры нет.

Семен тоже заметил, что разведка, или кто они там, идет за нами по пятам. В голову просилась подлая мыслишка, что там, наверху, кто-то не хочет нашего возвращения, а причина нам не понятна.

Малыш предположил, что это связано с чужаками. Шмель выдал трехминутную тираду из ненормативной лексики по поводу всех политиков и их решений.

Пшек и Кузя настаивали на том, что надо не гадать, а брать «языка», лучше у духов, потому что подставлять своих или подставляться под их пули глупо.

После этого, не обнаруживая себя, в обход засады в полном недоумении мы решили зайти в тыл духов, а после боя своим ходом выбираться домой, но сначала посмотреть, как духи нарвутся на засаду, и, если получится, самим в суматохе взять языка. Остатки еды доели еще утром, воды осталось две фляги на семерых, четыре гранаты, по три рожка на ствол, и трое легкораненых, – вот все, чем мы обладали. С таким арсеналом много не навоюешь в чужом краю да еще в горах, а топать нам сорок километров с гаком, и на хвосте духи, которых кто-то направляет. “Это не серьезно”, как говорил один киногерой. Рацию разобрали на всякий случай. Вперед пошел Малыш, в замыкании – Тимур. Пшека и Кузю выставили в боковое охранение. Так заведено командиром, что в середине шли раненые.

Крюк получился больше, чем мы рассчитывали, в горах нет прямой дороги, поэтому, когда вышли в тыл духов, бой уже закончился, и вертушки, вызванные на помощь разведке, собирали «двухсотых». Одна садилась, а две другие с воздуха ее прикрывали, и так – пока не собрали всех, кого нашли. Нам оставалось только наблюдать издалека, так как подставляться второй раз не хотелось, помня, как совсем недавно они нас утюжили. Когда они улетели, мы порыскали по ущелью и нашли окровавленный цинк с патронами, который взрывом отбросило за камни. Порадовавшись, решили заночевать ближе к источнику и двинулись в путь. Дорога заняла времени больше, чем надо, силы таяли, вода тоже. К источнику вышли уже в полной темноте, нас там ждали духи. В бой решили не ввязываться, а попытаться набрать воды и уйти незамеченными. Тимур и Кузя пошли искать подходы к источнику, а мы заняли круговую оборону.

Через три часа вернулся Тимур, он рассказал подслушанный разговор двух духов.

Оказывается, источник засыпан, на следующий ушел отряд с такой же задачей. Воду мы можем только отбить у духов, так как они себе сделали запас и утром уйдут. Отряд состоит из десяти человек.

Появился Кузя с флягой воды и сказал, что духов уже на одного меньше, но перед смертью душман успел махнуть ножичком и попал в живот. Пожаловался Кузя и умер. Похоронили Кузю в расщелине, место пометили на карте, чтоб

вернуться и забрать на Родину для достойных похорон.

Напасть решили перед рассветом, по-тихому, с ножами, но не успели. К духам прибыло подкрепление на двух джипах с пулеметами: обнаружили пропажу часового и подняли тревогу.

Пришлось быстро уходить, пока нас не нашли.

Проскитавшись трое суток с одной фляжкой воды, вышли к Пянджу обессиленные. Во время переправы унесло течением Пшека. С тех пор так и звучит его крик о помощи, а я бегу по берегу из последних сил и не могу догнать. И это повторяется снова и снова каждую ночь. Это был последний рейд нашей группы, после этого нас раскидали по разным частям, без всяких объяснений».

Кошмары наяву

Так бы Низами и мучился все полтора часа. Но уже через час его разбудил телефонный звонок из штаб-квартиры в Брюсселе. Приказали, без каких-либо объяснений, ни при каких обстоятельствах не трогать моджахеда, что очень озадачило всю группу. Сон как рукой сняло. После короткого раздумья набрал номер Тимура и передал приказ, ему он тоже не понравился. Одно дело – охотиться за заказчиком и другое – вылавливать только исполнителей. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять.

Не успел он осмыслить услышанное, как пришла смс от Цваера с номером рейса на самолет до Кисловодска и просьбой о срочной встрече. Мелькнула мысль, что что-то пошло не так.

«Александр, бронируй мне место на утренний рейс до Кисловодска и обратно с открытой датой», – приказал Низами.

В половине восьмого утра он уже входил в зал ожидания Воронежского аэропорта. Осмотревшись в зале, увидел Цваера в очереди на регистрацию и не спеша направился к ней. В салон самолета он вошел первым, показал удостоверение стюардессе и попросил тихо под каким-нибудь предлогом пересадить к нему пассажира с места тридцать четыре «В».

У Вольдемара эта ночь тоже не задалась

Когда Цваер вышел из машины Низами, то подумал пойти спать, но на улице было так тихо, и небо было таким звездным, что в номер подниматься не хотелось. Утром из окна своего номера он видел скверик возле гостиницы и решил посидеть полчасика перед сном. Город спал, изредка по улице проезжала машина, и опять становилось тихо. Он отыскал окно своего номера и насторожился. В щелчке между штор мелькнул огонек фонаря. Кто-то очень любопытный исследовал номер. В оставленных вещах не было ничего необычного, смена белья и путеводитель по Воронежу без каких-либо пометок.

Подниматься расхотелось совсем. В это время ожил сотовый телефон. Номер знали два человека, один из них – старший группы, звонил именно он. Не ответить нельзя, и Цваер, ругнувшись про себя, ответил.

Сначала он молча выслушивал упреки старшего, тот был недоволен тем, что Шварц не доложил о прибытии, но когда тот сказал, что в бронированном для него номере его нет, Шварц разразился бранью на немецком языке. Он не стесняясь высказал все, что думает о тех, кто по ночам с фонарем лазает по его номеру, потом про контрольное время выхода

на связь, до которого еще семь часов, и про то, что он профессионал, который знает свое дело и свое место под солнцем. Закончив эту тираду, сказал, что поднимается в номер, и отключил телефон.

Теперь это уже был не Цваер, а безжалостный наемник, солдат удачи, бывший офицер Французского легиона Густав Шварц, и с ним лучше не шутить. В номере его ждал старший группы. С порога Шварц поинтересовался, чем он обязан столь пристальному вниманию к своей персоне. Старший представился как Джон Смит. На что Шварц ответил:

– Мне все равно, как вас звать. Я не интересуюсь частной жизнью других людей, пока они не становятся моим заданием.

– Это к лучшему, так как в святом писании сказано: «Многая знания несут с собой многая печали». А привело меня к вам в неурочное время изменение задания! – сказал Джон.

– Мне, наверное, не надо говорить вам о том, что я работаю за деньги и что изменение контракта влечет за собой либо его расторжение с потерей аванса, либо дополнительную оплату, что мне больше подходит.

– Именно это я и хотел обсудить с тобой, – ответил Смит.

– О, мы уже на ты, не помню, чтоб мы вместе пили, – сказал Шварц.

– Это поправимо! – Джон достал бутылку армянского коньяка.

Выпили по рюмочке и перешли к делу.

– Заказчик не хочет голову объекта, он хочет его целиком и живого. Доставить нужно в Душанбе, – сказал Джон.

– Он что, спятил, ему это обойдется втрое дороже, чем он заплатил бы по контракту, плюс дорожные расходы. Местные копы очень жадные и очень любопытные – или наоборот: сначала любопытные, а потом очень жадные! – сказал Густав.

– Нас не должны волновать затраты заказчика, на транспортные расходы он выделил пятьдесят тысяч евро наличными, состав группы тот же, с третьей участницей я уже переговорил, она согласна, – сказал Джон.

– Третьим будет баба! Ну вы даете, это же стопроцентный провал. Я так не работаю. Лучше вдвоем, чем с бабой. Они же все психопатки, с ними только в постели хорошо, и то только одну ночь! – возмутился Густав.

– Меня предупреждали, что ты их не любишь и что только деньги могут вынудить тебя с ними работать, поэтому твой гонорар увеличили еще на треть, и можешь его получить немедленно, если укажешь счет, на который его надо перевести, – сказал Джон.

– Это другой разговор. Все полмиллиона долларов можешь перевести на счет ZOORRo 6236170085 в Швейцарский банк, как получу, продолжим разговор. – Шварц открыл свой ноут и передал его Джону. В разговоре возникла пауза, в течение которой из одного банка в другой перекаче-

вала кругленькая сумма. Пока Джон занимался переводом, Цваер размышлял.

Что могло произойти такого, что из группы прикрытия они переквалифицировались в группу захвата? И зачем этому моджахеду нужен живой командир? И где основная группа, чем она будет заниматься? Не похоже на подставу, если деньги платят до выполнения заказа полностью! Да...а, одни вопросы, без ответов.

Джон закончил перевод и передал ноут Шварцу, тот убедился в наличии на счету указанной суммы и стал ожидать продолжения разговора.

Джон не заставил его долго ждать:

– Основная группа должна была прибыть автобусом через Абхазию, но водитель уснул, и они улетели в пропасть, в живых остался только один член группы. Документы у него надежные, но липовые, и если начнут копать, могут быть неприятности. Поэтому наша задача – чтобы он не выжил.

– Это что же, за те же деньги еще и с этим возиться? – возмутился Густав.

– Нет, за этого плата отдельная и наличными. Вот двадцать тысяч евро и твой билет на утренний самолет туда и в обед обратно. Слетаешь, сделаешь дело и к вечеру вернешься. Он находится в хирургии местной больницы, она там одна, охраны нет. Как ты это сделаешь, мне все равно, главное – результат. По возвращению доложишь и приступим к выполнению основного заказа. А мы пока разведаем подходы к

клиенту, он где-то за городом.

– Что вот так, без подготовки и попрём? Джон, я люблю деньги, но они мне нужны живому. Если за клиента платят такие бабки, то клиент не так прост, как кажется. Тут нужна тщательная подготовка. Нужно собрать как можно больше информации. Какая у него охрана? Кто он такой? А на все это нужно время, как минимум неделя! – заметил Густав.

– У нас нет недели на подготовку. Через неделю он должен быть в Душанбе.

– Джон, мне это не нравится. Попахивает какой-то подставой. Сам посудите: сроки сжатые, заказ изменили, да еще баба в группе. Запроси у заказчика больше данных на клиента. А транспортировать на чем? Надо купить как минимум две машины, путь не близкий, если одна забарахлит, то на второй доедем. Потом добровольно он не поедет, значит, нужны препараты. Нет, как ни крути, а времени на подготовку мало.

– Густав, что ты запаниковал, все успеем, мы тоже не пальцем деланные. Дорога максимум три дня займет, так что три-четыре дня на подготовку у нас есть. Все, отдыхай, через три часа ты должен быть в аэропорту. Будут вопросы, я этажом выше, в пятьсот четырнадцатом номере.

Как только ушел Джон, Цваер отправил с другого телефона Низами СМС с номером рейса и просьбой о срочной встрече. Потом поставил будильник на шесть часов и лег спать.

Понедельник

Мухамад Абу Аль Бакар, которому в Интерполе присвоили псевдоним Моджахед, вызвал к себе своего помощника и правую руку Керима. Для всех он был личный секретарь Шейха, и только немногие знали о его основных обязанностях начальника службы безопасности и личного телохранителя.

Утренний Намаз прошел, и Керим уже стоял под дверью, с тревогой ожидая вызова: новости, полученные с вечера, ничего хорошего не сулили. Несмотря на принятые Керимом срочные меры, он не сомневался в реакции хозяина, поэтому был готов ко всему, даже принять смерть из рук Шейха, так как знал, что бывает с тем, кто приносит дурные вести.

Хозяин пил чай с вяленой дыней, молча слушал доклад Керима и не комментировал, как обычно, произошедшие события. Потом оставил на маленьком столике с фруктами пилу и подошел к Кериму.

– Керим, ты ведь для меня всегда был как сын. Я тебе всегда доверял самые сокровенные тайны, ты всегда хорошо выполнял все мои поручения, почему же ты сейчас меня подводишь, или ты продался неверным? Чем они тебя купили? Почему обе группы не добрались до этого проклятого гяура? Я тебе поручил нанять лучших воинов Джихада, для того чтоб они свершили над ним праведный суд Аллаха. Ты

же нанял придурков, которые даже близко не смогли подбраться к нему. Почему я узнаю о дурных новостях раньше тебя и должен реагировать на них сам? Может, я тебя обделил своей любовью, может, мало плачу?

Керим дождался, когда замолчит Хозяин, и, покорно опустившись на колени, произнес:

– Хозяин, я виноват перед тобой. Можешь меня убить, я целиком и по частям принадлежу тебе. Но в том, что произошло, только часть моей вины. Я виноват в провале первой группы. О них стало известно Интерполу, из-за паршивой овцы в нашем стаде, мои люди его уже вычислили и, как только найдут, принесут его голову тебе. Вторая группа, которая должна была выполнить твою волю, из-за жадности хозяев маршрутного автобуса, этих проклятых гяуров, попала в аварию и упала в пропасть. Выжил только старший группы, да и тот находится в коме. Этого предусмотреть никто не мог. Я уже начал поиски новых исполнителей воли Аллаха и сам пойду старшим, чтобы искупить свою вину перед тобой, мой повелитель. У меня нет другого выхода, кроме как выполнить твою волю или умереть.

– Керим, ты не можешь умереть раньше, чем выполнишь мою волю, или раньше, чем я тебе разрешу. За твою халатность ты будешь наказан, как – я решу позже. Сейчас мы вылетаем в Казань, у меня там срочная встреча. Дальнейшее узнаешь в самолете, иди, собери мои вещи и предупреди пилотов.

Керим, пятясь в полной растерянности, вышел из комнаты. Это был первый случай на его памяти, когда карающая рука Хозяина не наказала немедленно провинившегося. Это и пугало, и обнадеживало.

А Мухамад тем временем связался по скайпу со своим таинственным информатором и поинтересовался, как идут дела по его вечернему распоряжению и хватит ли тому наличных денег, чтоб доставить объект в Душанбе? Получив утвердительный ответ, успокоился и стал готовиться к вылету.

* * *

К шести часам на даче все были на ногах. Николай уехал в город. Надежда хлопотала на кухне, готовила завтрак.

Солнышко еще не пекло, а пригревало. Легкий ветерок качал листья винограда, прикрывающие беседку с востока. Очень хотелось окунуться в бассейн, но обошлись душем. Василий, как всегда, побрился.

Они с Семеном расположились в беседке и обсуждали план действий.

Первым делом решили определить места возможного расположения страхующей группы: не исключено, что снайпер не один.

Природа вокруг благоухала всеми запахами второй половины августа, здесь тебе и яблоки, и цветы, и пряные тра-

вы. Тишина стояла такая, что комара за три метра слышно, и все это скоро должно измениться. Дачный участок ничем особым не выделялся среди соседних: те же шесть соток, домик с ломаной двухскатной крышей, где вместо чердака устроили второй этаж, состоящий из одной спальни и двух кладовок. На первом этаже располагались две спаленки, коридорчик с камином, громко именуемый каминным залом, и пристройка – кухня, вотчина Надежды Петровны. Дача в прямом смысле была летним домиком, потому что не имела отопления, кроме камина, от которого тепла было мало, а дров он съедал много. Камин служил для того, чтобы в дождливые летние дни посидеть перед ним и посмотреть на огонь. Дачу даже с натяжкой нельзя принимать во внимание как оборонительное укрепление: первый этаж хоть и сложен из шлакоблоков, но имеет два окна на южной стороне, выходящие на улицу, и большое окно чуть ли не всю стену на северной, выходящее в сад. С южной стороны окна закрыты шторами от солнца, что затрудняет обзор, но не защищает даже от пуль, не говоря уж о более серьезном оружии. На первом этаже только кухня более или менее защищена. Небольшое окно из стеклоблоков находится почти под потолком, одной стеной кухне служит стена дома, южная стена глухая. Дверь выходит в беседку, которая не просматривается со всех сторон, так как прикрывается надворными постройками и гаражом. Второй этаж и вовсе сделан из досок с утеплителем и обшит пластиковым сайдингом. В об-

щем, мужчины пришли к выводу, что основную группу надо встречать на дальних подступах.

Ничто не говорило о приготовлении к встрече незваных гостей.

А в гостинице в это время Цваер, он же Густав Шварц, принял контрастный душ, оделся и, наспех перекусив в буфете, выходил к вызванному такси. Утро было теплое, солнце еще не накалилось. Густав не оглядывался, но знал, что за ним наблюдают из-за шторы на пятом этаже. Спокойно бросил на заднее сиденье сумку, сел в машину и поехал в аэропорт. По дороге под видом того, что хочет что-то посмотреть в сумке, проверил, нет ли хвоста. В зале ожидания аэропорта было не многолюдно, ведь ранний рейс всего один. Густав зашел в буфет, выпил чашечку кофе, заодно наблюдая за пассажирами, и, не заметив ничего подозрительного, направился к стойке регистрации. Он не сомневался, что Низами найдет возможность встретиться и переговорить.

Низами вошел, осмотрелся и тоже стал на регистрацию этого рейса. В зале ожидания посадки он к нему не подходил, а на посадку прошел первым. В салоне стюардесса под предлогом того, что ей надо посадить семью с ребенком вместе, попросила пересесть. Соседом по креслу был Низами. За время полета Цваер подробно пересказал разговор со старшим группы.

Вместе они решили оставшегося в живых боевика изолировать в госпитале, а в СМИ сообщить, что он скончался от

полученных травм: не выдержало сердце. По прилету в Кисловодск они разошлись.

Низами поехал в местное отделение Интерпола, чтобы доложить начальству об изменении обстановки и решить вопрос с местным управлением ФСБ о «смерти» боевика.

Доклад не занял много времени, а вот с боевиком пришлось повозиться.

Разговор с начальником УФСБ Гуськовым Николаем Петровичем с самого начала не заладился. Он сначала долго запрашивал подтверждение полномочий Низами, а когда получил, то явно им не обрадовался. Еще больше он помрачнел, когда Низами обрисовал стоящую перед ним задачу.

«Низами Олшанович, вы не подумайте, что я не хочу с вами сотрудничать. У меня в данный момент мало сотрудников, часть из них уехали на переподготовку, часть находится на задании. В военный госпиталь, как вы предлагаете, мы его перевезти не сможем: во-первых, он не транспортабелен, находится в отделении реанимации, во-вторых, в госпитале проходит операция по выявлению окопавшегося там агента ИГИЛ¹. Через наш госпиталь идет снабжение боевиков медикаментами и вербовка новых членов ИГИЛ среди раненых и больных новобранцев. Я предлагаю перевезти его в медсанчасть оборонного предприятия, которое находится недалеко от больницы. Территория там закрытая от посторонних глаз, и медперсонал имеет соответствующую квалификацию

¹ Террористическая организация, запрещенная в России.

на случай аварии на предприятии. Вот только как его незаметно вывезти из больницы?» – сказал Гуськов.

И они стали придумывать способы транспортировки. Пришлось вызвать главврача медсанчасти, так как без него это дело никак не решить.

Цваер тем временем добрался до больницы, осмотрел подступы к ней, определил возможные пути отхода. Внимательно изучив здание, он обнаружил, что из поликлиники есть проход на второй этаж больницы. Под видом заблудившегося пациента поликлиники он прошел в отделение терапии, оттуда на третий этаж в реанимацию вела пожарная лестница. Цваер попробовал дверь, она оказалась незапертой. Чтобы лишний раз не попадаться на глаза персоналу, пришлось ретироваться тем же путем. Выйдя во двор, он нашел свободную скамейку в парке и стал ждать сигнала от Низами.

Приехавший главврач медсанчасти, после того как его ознакомили с предстоящей операцией, потребовал, чтоб ему дали осмотреть пациента. Пришлось его под видом столичного светила провести на осмотр боевика.

Главврач после осмотра долго совещался с местным хирургом и бригадой реанимации. Высказав несколько примеров из своей практики, пожелал удачи своим коллегам и удалился.

Вернувшись в Управление УФСБ, он предложил транспортировать пациента в катафалке, имеющемся на заводе, в

который можно за полчаса установить все необходимое оборудование для кратковременной перевозки пациента. Прямо из кабинета Гуськова он позвонил на завод и отдал все необходимые распоряжения по подготовке палаты и автофургона для перевозки и лечения пациента.

Оставшись вдвоем, стали прорабатывать детали операции. В суть решили посвятить только дежурного врача реанимации и медбрата из морга. Когда прибыла машина, все уже было готово. Из морга подняли тело одного из умерших пассажиров того же автобуса, сделали ему такие же повязки, как у боевика, и положили на его кровать, а самого боевика на лифте опустили в морг и вывезли на катафалке под видом покойника.

После этого Низами позвонил Цваеру.

Получив сигнал от Низами, Цваер через поликлинику прошел в отделение реанимации, попался на глаза парочке медсестер, извинился, сказал, что заблудился, его проводили на выход. Убедившись, что его запомнили, он спокойно поехал в аэропорт и вылетел в Воронеж. Они с Низами договорились, что шефу он доложит, будто бы ввел в вену боевика воздух и тот тихо скончался.

Возвращались они в Воронеж разными рейсами. Низами еще пришлось договариваться с Гуськовым о способе подачи информации о смерти боевика в СМИ. Ни один из них не сомневался, что в городе, а может и в больнице есть «уши» ИГИЛ. Поэтому все так тщательно обставлялось.

Единственное, о чем Низами не информировал Гуськова, так это о параллельной операции с участием Цваера, что в дальнейшем сыграло немаловажную роль. Одна из медсестер давно уже была информатором ИГИЛ, а вторая – штатным сотрудником ФСБ, и обе сообщили своему руководству о появлении в реанимации странного посетителя, который якобы заблудился. Так что к моменту прилета в Воронеж Густава Шварца старший группы уже знал о «успешном выполнении» задания. А по каналам ФСБ стали разыскивать человека по словесному портрету для проверки цели его появления в отделении реанимации.

Низами договорился с Гуськовым, чтобы тот, как только боевик придет в себя, немедленно сообщил ему лично по спутниковому телефону. После чего позвонил Василию и рассказал в подробностях об изменившейся обстановке. Выслушал ответ и согласился на вечернюю встречу на нейтральной территории. Вечером Низами сообщил Цваеру о переносе встречи на неопределенный срок. И Второй отправился спать.

«Дачные» хлопоты

К одиннадцати часам приехал Николай, загнал машину к себе во двор и пришел через калитку за беседкой.

Пока пили чай, сосед поведал о содержимом четырех сумок, с которым он ознакомился по пути в лесополосе. Там были три новеньких комплекта «Ратник», включая легкие бронежилеты, средства связи, приборы для ведения боя ночью и индивидуальные аптечки. Три маскировочных костюма типа «Леший» для средней полосы России. Отдельно легкий бронежилет для скрытного ношения, радиостанция типа «Паук», укомплектованная фельдшерская сумка для оказания первой помощи, Два армейских бинокля с дальномером, четыре непонятных жетона и спутниковый телефон.

А также два пистолета-пулемета «Кедр» с глушителем, снайперская винтовка Драгунова с ночной оптикой и глушителем, пистолет-пулемет Стечкина с глушителем, по четыре снаряженных магазина к каждому стволу, три десантных ножа, три светошумовых гранаты и флэшкарта, с содержанием которой он незнакомился.

Василий принес ноутбук, и все погрузились в изучение информации на полученной флешке. Это оказалась подробная инструкция по пользованию комплектом «Ратник» и радиостанцией типа «Паук». Мужчины с удивлением узнавали возможности комплекта, хотя каждый из них был не нович-

ком в военном деле. Комплект в базовой комплектации оснащен автономной системой поддержания постоянной температуры тела на протяжении двадцати четырех часов при температуре окружающей среды в пределах от минус тридцати до плюс пятидесяти градусов. При попадании бойца в воду автоматически срабатывает система поддержания плавучести в зависимости от веса бойца со снаряжением. Легкая эластичная броня, встроенная в комплект костюма, выдерживает попадание пули, выпущенной из пистолета Стечкина с расстояния свыше пяти метров. Бронежилет может легко извлекаться из костюма для скрытого ношения под рубашкой. Система связи, закрепленная на каске, неразрывно связана с видеокамерой и передает все данные на планшет командира, тот одновременно слышит своих подчиненных по системе связи, сопряженной с «Пауком», и видит картину боя их глазами, что позволяет ему оперативно принимать решения при изменении обстановки. Видеосистема позволяет видеть не только днем, но и ночью, так как адаптирована с миниатюрным прибором ночного видения, встроенным в очки.

В дополнение к комплекту «Ратник» прилагается тепловизор, позволяющий обнаруживать тепловые объекты даже за бетонной стеной толщиной до сорока сантиметров на расстоянии до пятидесяти метров.

Семен аж присвистнул от таких возможностей комплекта.
– Командир, вот бы нам такие комплекты тогда в горах. Сколько ребят были бы сейчас живы, – сказал он.

Зазвонил телефон Василия. Звонок был от напарницы по киоску Веры:

– Василий, извини, что отрываю от огорода. Вчера приходил мужчина, спросил тебя, сказал, что твой давний партнер по шахматам, когда узнал, что ты в отпуске, просил позвонить и сказать, что будет играть какой-то эндшпиль. Я вчера телефон дома забыла, а сегодня пришла и вспомнила о твоём госте, вот и звоню.

– Спасибо, Вера, если он придет опять, ты ему передай, что мы с ним обязательно доиграем партию, но поздно вечером, – ответил Василий.

Ну, вот и Моссад проявился, подумал Василий. Значит, люди Ришина тоже где-то рядом. Не наломать бы дров сгоряча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.